

Ф.О.Трунов

Бразильское направление курса ФРГ на мировой арене: политико-военные аспекты

«Разморозка» мировых политических процессов, которая произойдет после окончания пандемии *COVID-19*, будет сопровождаться ростом числа угроз в сфере международной безопасности. Это потребует поиска решений, основанных, прежде всего, на координации усилий международных акторов, обладающих наибольшими ресурсной базой и влиянием. Для понимания потенциала дву- и многостороннего сотрудничества игроков данной категории следует изучить его опыт на «длинном шаге» (1990—2010-е годы). В статье исследуются особенности и «узкие места» диалога Германии и Бразилии в политико-военной области, прежде всего с позиций ФРГ. Рассматриваются первые попытки перехода к новому уровню отношений в 1990-е годы и трудности, возникшие на этом пути. Раскрывается тактика ФРГ по обеспечению активизации диалога в период пребывания Герхарда Шредера на посту канцлера (1998—2005 гг.). Особое внимание уделено координации усилий сторон по обретению постоянных мест в Совете Безопасности ООН. Анализируется динамика диалога при Ангеле Меркель (2005 — н/в), неподкреплённость формулы стратегического партнерства (с 2008 г.) и запуска формата межправительственных консультаций (2015 г.) практическим сотрудничеством. Выявляются причины спада двусторонних отношений в период президентства Жаира Болсонару (2019 — н/в), а также практические попытки ФРГ по их перезапуску к началу 2020-х годов.

Ключевые слова: политическая стратегия ФРГ, Бразилия, межгосударственные отношения, Меркель, Болсонару.

DOI: 10.31857/S0044748X0013677-3

Статья поступила в редакцию 05.10.2020.

Начало третьего десятилетия XXI в. проходит под знаком пандемии *COVID-19*, приведшей к глобальной «заморозке» активности на международной арене. В данных условиях, а в еще большей степени по завершении эпидемии, обостряется проблема роста турбулентности в мире. Увеличение количества внутренних социально-политических трудностей в тесной увязке с экономической рецессией приводит к сокращению ресурсной базы

Филипп Олегович Трунов — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН (РФ, Москва, ул. Нахимовский проспект 51/21, 1trunov@mail.ru).

государств мира и, соответственно, к существенному сокращению внешне-политической активности как минимум на ближне- и среднесрочную перспективу. Вследствие этого круг акторов, реально способных эффективно противодействовать растущему спектру вызовов безопасности, особенно на региональном и глобальном уровнях, весьма узок. В частности, в него входят державы, особенно «восходящие», то есть демонстрирующие в целом поступательный рост ресурсной базы и влияния на мировой арене, хотя кривая этого процесса имеет обычно зигзагообразный характер. Степень эффективности борьбы государства с турбулентностью и рисками нестабильности, особенно в такой чувствительной сфере, как международная безопасность, становится ключевым индикатором его дееспособности как лидера. В значительной степени успешное прохождение этого «тестирования» для конкретной державы будет зависеть от углубления имеющихся и налаживания новых связей с другими государствами.

В число «всходящих» держав входят Бразилия и Германия, притом последние представляет собой едва ли не единственный пример данной категории игроков из числа государств — членов Евроатлантического сообщества. Под термином «восходящая» держава автор понимает государство, сумевшее существенно увеличить свой вес и влияние на региональном и, главное, на глобальном уровнях в постбиполярных реалиях. Так, несмотря на существенные различия между странами — участницами *BRICS*, Бразилия прочно утвердилась в их числе. В свою очередь, ФРГ стремится играть роль параллельного и отчасти альтернативного США центра влияния в Евроатлантическом сообществе, притом признавая для себя важность трансатлантического (с Соединенными Штатами) сотрудничества.

Задача данной статьи — оценить «багаж» сотрудничества Германии и Бразилии к концу 2010-х годов, его перспективы в политико-военной области. В отличие от экономического и культурного [1] сегментов межгосударственного диалога, его развитие применительно к сфере безопасности и обороны изучалось существенно менее подробно как отечественными, так и зарубежными — прежде всего самими бразильскими [2; 3] и германскими [4] — исследователями. Исключением, скорее точечным, стало лишь освещение координации усилий официальных Берлина и Бразилии в рамках группы G4 по обретению постоянных мест в Совете Безопасности ООН [4]. Автор этой статьи предпринял попытку восполнить данный научный пробел, используя методы сравнительного и ивент-анализа — в первую очередь пошагового изучения чувствительных для официальной Бразилии политико-дипломатических и военных шагов ФРГ.

Германия и Бразилия расположены в весьма удаленных друг от друга региональных подсистемах. Географический детерминизм обуславливает, с одной стороны, почти полное отсутствие элементов стратегической конкуренции между двумя государствами, а также позитивное восприятие укрепления позиций друг друга в «своих» региональных подсистемах и на глобальном уровне в целом. С другой — одновременно и ограничивает возможности практической координации Германии и Бразилии на мировой арене. Это положение отчетливо проявлялось в ходе холодной войны, когда кооперация сторон происходила преимущественно в торгово-промышленной сфере.

Объединение Германии (1990), ставшее одной из ключевых составляющих завершения периода конфронтации Запад — Восток, создало огромный потенциал для старта движения Германии к обретению статуса региональной, а в перспективе — и мировой державы. Однако в 1990-е годы скорость сближения объединенной Германии и Бразилии оставалась еще

невысокой. Почему? Рассматривая пример ФРГ, прежде всего, следует обратить внимание на два стратегических императива, которые, эволюционируя, определяли характер внешней политики Германии ещё с «эпохи» Конрада Аденауэра (1949—1963). Первый императив — высокая степень интегрированности ФРГ в Евроатлантическое сообщество. Официальный Бонн/Берлин стремился выстраивать свой курс на мировой арене сквозь призму обязательств перед государствами — партнерами по Европейскому союзу (до 1992 г. — Европейскому сообществу) и НАТО. Будучи страной — участницей этих объединений, ФРГ последовательно позиционировала себя в качестве зрелой парламентской демократии. Этот императив лимитировал объемы и качество ее политико-военного сотрудничества со странами, расположенными за пределами Евроатлантического сообщества. В социокультурном плане Бразилия (равно как и государства Латинской Америки в целом) была к Германии (Западной Германии) существенно ближе, чем, например, большинство стран Азии и Африки. Вместе с тем, к 1990-м годам между официальными Бразилией и Бонном существовала весьма значительная дистанция в общеполитическом плане. Так, в восприятии истеблишмента ФРГ сама Бразилия лишь во второй половине 1980-х годов стала двигаться по пути создания политической системы, построенной на демократических принципах. Линия официального Бонна в 1990-е годы основывалась на активном выражении поддержки траектории, которая наметилась во внутривнутриполитическом развитии Бразилии [2], однако носила, особенно в первой половине — середине 1990-х годов, отчасти выжидательный характер. Одна из причин этого — стремление удостовериться в том, что эта латиноамериканская страна прошла «точку невозврата» в осуществлении демократической трансформации.

Другая, не менее существенная, причина состояла в тех трудностях, с которыми в 1990-е годы столкнулась сама Германия в попытках укрепить свое влияние в мире. Во многом трудности были обусловлены вторым внешнеполитическим императивом действий официального Бонна — приверженностью концепции «стратегической сдержанности» в вопросах развития и использования своего военного потенциала. В отличие от Бразилии, ФРГ находилась в системе правовых ограничений, сформулированных в качестве добровольных в Парижских соглашениях (1954 г.) для западно-германского государства и Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии (1990 г.) уже в случае объединившегося государства. ФРГ брала на себя, прежде всего, обязательства по отказу от производства, владения и распоряжения ядерным (с 1990 г. также химическим и биологическим) оружием. Это положение определило последовательное стремление ФРГ не допустить появления собственного оружия массового уничтожения (ОМУ) или его ликвидацию у стран, не входивших в клуб легальных «ядерных держав». Соответственно, свертывание Бразилией к началу 1990-х годов программы создания собственного ядерного оружия устранило мощный потенциальный «раздражитель» для последующего сближения с ФРГ [5]. Показательно, что к началу XXI в. были налажены постоянные консультации по линии МИД двух стран (на уровне профильных министров и ниже) по вопросам нераспространения ОМУ. Германская сторона выражала удовлетворение фактом подписания Бразилией договора Тлателолко и соблюдением большинства условий. В то же время ФРГ была обеспокоена тем, что официальная Бразилия так и не стала полноправным участником данного договора (воздерживаясь от выполнения требований, предусмотренных статьей 28) [6, s. 8].

Проявлением «стратегической сдержанности» со стороны Германии была и неготовность использовать свои войска вне зоны ответственности в период холодной войны. Сосредоточение усилий на участии в противостоянии Запад — Восток сокращало до минимума возможности страны по решению проблем безопасности в Южной Америке. Не менее значимым был и иной фактор: в годы холодной войны истеблишмент ФРГ признавал за США абсолютное лидерство в рамках «коллективного Запада» (рассматривая их в качестве ключевого внешнего гаранта обеспечения собственной обороны и безопасности) и не был готов к действиям, которые могли быть восприняты в качестве элементов конкуренции с ними в Западном полушарии.

Уже в первой половине 1990-х годов руководство ФРГ, подчеркивая готовность принять повышенную ответственность за обеспечение мира и безопасности на глобальном уровне, декларировало интерес к сближению со странами Латинской Америки, в том числе с Бразилией [5]. Вместе с тем эти заявления еще не были подкреплены должным ростом объемов практической кооперации. Одна из причин заключалась в том, что обе страны были, прежде всего, сфокусированы, особенно до конца 1990-х годов, на решении внутренних проблем: в случае Бразилии это — закрепление результатов перестройки своей политической и экономической системы, а для Германии — интеграция «новых» земель. Для официальной Бразилии важнейшей внешнеполитической задачей к началу XXI в. являлось встраивание в глобальные институты, что сопровождалось временным снижением геополитических амбиций [2].

Вместе с тем уже в последнем десятилетии XX в. Германия стала использовать бундесвер за пределами ответственности НАТО, притом сосредоточила внимание на применении военных и дипломатических инструментов на Балканах, сумев утвердиться в роли региональной державы (1999 г.). Показателями этого стали перенос столицы из Бонна в Берлин, традиционно воспринимавшийся как символ имперской мощи Германии, и боевое применение армии в военно-воздушной операции НАТО против Югославии (27 марта — 10 июня 1999 г., в связи с развитием ситуации вокруг Косово). Симптоматично, что вскоре после этого — 28 июня 1999 г. — канцлер Герхард Шредер совершил поездку в Бразилию, ставшую его первым официальным визитом в Латинскую Америку. Двусторонняя встреча на высшем уровне, проходившая в Рио-де-Жанейро, позиционировалась в качестве первого саммита представителей глав государств и правительств стран — участниц ЕС и Латинской Америки, а также Карибского бассейна [7]. Это означало, что Бразилия и Германия достигли неофициального согласия в восприятии друг друга в качестве центров «своих» региональных подсистем, стремясь быть в авангарде их сближения [6, ss. 2-6]. Г.Шредер акцентировал внимание на усилении позиций Германии как дееспособного регулятора вооруженных конфликтов (применительно к Балканам) и центра ускорившихся интеграционных процессов внутри ЕС, притом не только экономического, но и военного характера [7].

Соответственно, на рубеже XX и XXI вв. ФРГ на практике приступила к стратегическому сближению с Бразилией, которое еще 5-10 лет назад было «вопросом на перспективу». Переход к полноценному сотрудничеству стал для ФРГ одним из направлений активности на мировой арене, движение по которому означало не только закрепление статуса региональной державы, но и постепенное утверждение в роли глобально оперирующего игрока.

В ходе регионального турне 10-16 февраля 2002 г. Г.Шредер, посетив Мексику и Аргентину, наибольшее внимание уделил развитию отношений с Бразилией. В ходе диалога обсуждению вопросов обеспечения безопасности уделялось относительно небольшое (в сопоставлении с тематикой

торгово-промышленной кооперации), но серьезное внимание [8]. Кроме того, стороны проявляли взаимный интерес к обмену информацией и опытом в борьбе с трансграничными угрозами стабильности: активизацией террористических и в целом радикализованных структур, перемещением боевиков, оружия и боеприпасов, взрывчатых и наркотических веществ [6, ss. 7-8]. Официальный Берлин нуждался в получении от Бразилии подробных сведений о проявлениях данных угроз в Южной и Центральной Америке; особое внимание должно было уделяться сбору информации о развитии вооруженного конфликта в Колумбии [8]. В свою очередь для бразильской стороны был крайне важен опыт, накопленный Германией в деле использования бундесвера в ходе проведения небоевых операций по профилактике терроризма, притом в различных областях (Аденский залив, Афганистан) и природно-климатических условиях. Показательна дата поездки Г.Шредера в Бразилию, в ходе которой были согласованы соответствующие консультации на уровне профильных ведомств: это — февраль 2002 г., т.е. вскоре после старта (декабрь 2001 г. — январь 2002 г.) масштабного разнохарактерного использования бундесвера в операциях «Несокрушимая свобода» (*Enduring Freedom*) и деятельности Международных сил содействия безопасности (*International Security Assistance Force, ISAF*) [9, pp. 73-78]. Таким образом, при выстраивании отношений с Бразилией ФРГ вновь, как и в 1999 г., стремилась максимально использовать фактор усиления своей правосубъектности на мировой арене.

Германия подчеркивала, что она воспринимает Бразилию как гаранта региональной стабильности в Южной Америке, в том числе в вопросах профилактики контрабанды вооружений, включая легкое оружие. В контексте опасности получения террористами доступа не только к самому ОМУ, но даже технологиям его производства официальный Берлин подчеркивал важность соблюдения Бразилией положений договора Тлателолко и мониторингу его выполнения в Южной и Центральной Америке в целом [6, ss. 7-8]. В свою очередь ФРГ еще с конца 1980-х годов наладила экспорт конвенциональных вооружений в Бразилию. Наиболее значимой категорией являлись дизельные подводные лодки проекта 209 (экспортного): в 1989—2005 гг. было продано 5 единиц, а в дальнейшем ФРГ стала поставлять многочисленные комплектующие для их модернизации (см. таблицу ниже).

К середине 2000-х годов две «восходящие» державы договорились о тесной координации своих усилий, направленных на обретение постоянных мест в Совете Безопасности ООН. Плавный взаимный зондаж этого вопроса начался уже в конце 1990-х годов, а реальное согласование позиций, с точки зрения автора, началось не позднее визита Г.Шредера в Бразилию (2002 г.). Показательно, сколь большое внимание канцлер уделил углублению различий по вертикали Север — Юг и необходимости координации усилий [8], в том числе в вопросах реформирования архитектуры международной безопасности.

Здесь уместно задать вопрос: почему ФРГ пошла на согласование указанных выше позиций с Бразилией лишь в 2000-е годы, хотя германская дипломатия предпринимала настойчивые попытки добиться постоянного места в Совете Безопасности еще в предшествующее десятилетие (в 1993 и 1997 гг.)? В 1990-е годы истеблишмент Германии в существенно меньшей степени, чем в начале XXI в. был готов к реальной диверсификации своих внешнеполитических связей за пределами Евроатлантического сообщества. Однако, как в более «узком» плане (провал инициатив 1993 и 1997 гг. по реформированию Совета Безопасности ООН), так и более «широком», руководство Германии убеждалось в недостаточности опоры лишь на парт-

неров по «коллективному Западу» для решения магистральных задач, стоящих перед страной на мировой арене. Более того, движение ФРГ по пути реализации лидерских амбиций стало вызывать растущее беспокойство «традиционных» западных держав, прежде всего США. Это отчетливо проявилось в ходе иракского военно-политического кризиса (2003 г.), в ходе которого начался и стал развиваться длительный (до 2005 г.) кризис отношений между Берлином и Вашингтоном. Это стимулировало ускорение при «зрелом» Г.Шредере перехода к диверсифицированной внешней политике, одной из ключевых составляющих которой и стало углубление германо-бразильских отношений, в том числе их сопоставленное движение по пути обретения постоянных мест в Совете Безопасности ООН. Двусторонние контакты (прежде всего, неофициальные) резко активизировались в 2004 — первые месяцы 2005 гг., т.е. в период подготовки доклада Генерального секретаря ООН Кофи Аннана (1997—2006 гг.) «К большей свободе». Он был озвучен 21 мая 2005 г. и включал два варианта реформы Совета Безопасности ООН: один («А») предполагал создание шести новых постоянных мест (по два для государств Азии и Африки, по одному — для стран Европы и Америки); другой («Б») — учреждение восьми возобновляемых непостоянных мест (по два для стран Азии, Африки, Европы и Америки). После обнародования доклада Бразилия, Германия, а также Индия и Япония объединились в группу G4, стремясь добиться реализации варианта «А» проекта реформы и де-факто выступая против проекта «Б» [4, ss. 740-744]. Однако действия G4 потерпели неудачу вследствие наличия ряда препятствий. Де-факто критическое отношение к самой идее реформы выражали ряд действующих членов Совета Безопасности (США, КНР); страны — участницы Африканского союза не смогли договориться о том, какие конкретно государства должны быть выдвинуты на роль постоянных членов. «Торпедирующей» для планов G4 проблемой стали действия группы «Объединившиеся ради консенсуса», причем две ее страны-участницы — Аргентина и Италия — выражали недовольство идеей предоставления регулярного представительства именно Бразилии и Германии соответственно [4, s. 744].

К осени 2005 г. стала ясна нереализуемость, как минимум на среднесрочную перспективу, планов G4. Хотя сам этот формат сохранился, интенсивность германо-бразильских консультаций по реформе Совета Безопасности ООН резко снизилась. Свидетельствовало ли это о сокращении двусторонних контактов в политико-военной области? Безусловно, наблюдалось определенное «проседание» диалога по ряду направлений. Помимо конъюнктурных причин (провал проекта реформы СБ ООН) в определенной степени это было обусловлено наступлением «эры» Ангелы Меркель с осени 2005 г. Канцлер, особенно «ранняя» (до начала 2010-х годов), стремилась перевести процесс движения ФРГ к положению полноправного глобального игрока в более латентные формы, тем самым смягчая остроту его критического восприятия, прежде всего, со стороны США. С одной стороны, это снижало вероятность «рывков» в развитии диалога, характерных для канцлерства Шредера. С другой — изменение тактики отнюдь не означало отказа от долгосрочных целей, направленных на утверждение Германии в роли мировой державы. Соответственно, сохранялась заинтересованность в развитии диалога с предельно широким кругом акторов на мировой арене, в том числе с Бразилией. В 2000-е годы эта страна в системе внешнеполитического планирования и деятельности ФРГ прочно утвердилась в роли фокусного партнера, сотрудничество с которым должно было стать осевой составляющей стратегического проникновения Германии в региональную подсистему Южной и Центральной Америки.

**ЭКСПОРТ ПРОДУКЦИИ ВОЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ ФРГ
В БРАЗИЛИЮ**

Год	Сумма в евро (кол-во сделок)	Основные категории	Место Бразилии в топ-20 государств- импортеров	Сноска
2006	28,5 млн (75)	Комплектующие для подводных лодок (ПЛ), эхолоты	—	[12, s.124]
2007	7,8 млн (101)	Коммуникационное оборудование	—	[13, s.107]
2008	17,8 млн (113)	Комплектующие для корветов и ПЛ	—	[14, s.107]
2009	115,0 млн (126)	Боевые танки, БТР, грузовики, запчасти для бронетехники	11-е	[15, ss.26, 112]
2010	13,4 млн (115)	Комплектующие для ПЛ	—	[16, s.116]
2011	64,3 млн (157)	Боевые танки, запчасти для бронетехники	—	[17, s.96]
2012	13,5 млн (180)	Комплектующие для ПЛ, миноискатели	—	[18, s.96]
2013	53,3 млн (169)	Средства ПВО, комплектующие для бронетехники	—	[19, s.101]
2014	30,9 млн (122)	Коммуникационное оборудование	—	[20, s.103]
2015	61,0 млн (148)	Торпеды, пиротехника	—	[21, s.99]
2016	14,6 млн (121)	Тренажеры систем ПВО	—	[22, s.91]
2017	62,6 млн (134)	Комплектующие для танков и бронетехники, моторы для ПЛ	20-е	[23, ss.77, 89]
2018	79,0 млн (176)	Тренажеры систем ПВО, торпедные аппараты	16-е	[24, ss.75, 89]
2019	82,9 млн (189)	Моторы для ПЛ, комплектующие для них и надводных кораблей	19-е	[25, s.87, 104]

Текущее положение вещей ярко характеризует наличие разветвленной сети дипломатических представительств одной стороны на территории другой, оформившейся в нынешнем виде к началу 2010-х годов. Помимо посольства в Берлине Бразилия имеет два генеральных консульства — в Мюнхене (Бавария), Франкфурте-на-Майне (Гессен), а также семь почетных консулов. Они находятся в Ахене (Северный Рейн — Вестфалия), Бремене (вольный город), Гамбурге (вольный город), Ганновере (Нижняя Саксония), Гейдельберге и Штуттгарте (Баден-Вюртемберг), Штайне (Бавария). Показательно, что все консульские учреждения официальной Бразилии расположены в «старых» землях ФРГ (не на территории бывшей ГДР), что отражает особенности межсубъектной экономической и политической кооперации двух стран. В свою очередь ФРГ, помимо посольства в столице Бразилии, располагает четырьмя генеральными консульствами — в Порту-Алегри (Риу-Гранди-ду-Сул), Ресифи (Пернамбуку), Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро (одноименные штаты) [10]. Количество дипломатических учреждений свидетельствуют о примерно равной заинтересованности сторон в развитии диалога (учитывая, что фигуры почетных консулов по

имиджевому и политическому весу существенно ниже генеральных консульств как учреждений).

13—15 мая 2008 г. канцлер А. Меркель совершила свой первый визит в Бразилию и латиноамериканский регион в целом, проведя продолжительные переговоры с президентом Луисом Инасиу Лулой Да Силвой (2003—2011). По их итогам стороны провозгласили формулу стратегического партнерства, причем Бразилия стала и по состоянию на начало 2020-х годов остается единственной страной Латинской Америки, в отношении с которой Германия декларировала такой уровень сотрудничества [11]. Как следует из данных таблицы, обозначение перехода к новому качеству диалога сопровождалось ростом импорта Бразилией вооружений и военной техники (ВиВТ) германского производства.

Закупки продукции из ФРГ осуществлялись в первую очередь в интересах ВМС Бразилии, особенно ее подводного флота. Почему? Технологически Германия занимала одно из ведущих мест в судостроении дизельных ПЛ в мире. Иллюстрацией этого стали проекты 212А (выпускаемые в интересах самого Бундесвера), а также экспортный 209. Участвуя в улучшении тактико-технических характеристик поставленных в 1989—2005 гг. лодок данного типа (посредством поставок новых моторов, эхолотов, торпедных аппаратов), ФРГ прочно утвердилась в роли внешнего модернизатора ВМС Бразилии. Подводя практическую опору под фундамент сотрудничества, Берлин де-факто поддерживал реализацию лидерских амбиций официальной Бразилии: относительно современный флот и наличие в его составе кораблей различного назначения существенно укрепляли ее позиции в отношении как других крупных региональных игроков (прежде всего, Аргентины), так и 4-го флота США.

К началу 2010-х годов Бразилия также стала увеличивать объемы закупок у ФРГ «тяжелых» наземных вооружений, включая боевые танки. Одно из оснований для этого — стремление к качественному обновлению и количественному усилению группировки войск на границе с Колумбией, где развивался вооруженный конфликт. В первое десятилетие XXI в. в активном использовании своих дипломатических и особенно военных инструментов в зонах нестабильности Германия ограничивалась, помимо Европы, лишь Ближним и Средним Востоком, зоной Африканского рога [9], т.е. в принципе не демонстрировала готовности подключаться к решению «колумбийской проблемы». Учитывая чувствительность этой проблемы для южного соседа, изложенный подход официального Берлина не мог вызывать определенного недовольства со стороны Бразилии. Соответственно, экспортные поставки Бразилии широкой номенклатуры немецких тяжелых вооружений (вплоть до танков), которые могли использоваться для укрепления границы с Колумбией, с политической точки зрения стали в некотором смысле компенсацией недостаточного внимания ФРГ к этой проблеме.

Примечателен и тот факт, что к середине 2010-х годов А. Меркель лишь однажды (2008 г.) совершила визит в Бразилию, что свидетельствовало о высоком риске «проседания» двусторонних отношений. Негативный для ФРГ эффект усиливался еще и тем, что во втором десятилетии XXI в. Бразилия стала активно развивать отношения с государствами — партнерами по *BRICS*, то есть группой «восходящих» держав, расположенных вне Евроатлантического сообщества и в значительной степени дистанцирующихся от него. Осознавая это, руководство ФРГ пошло на существенную интенсификацию диалога: 15-16 июня 2014 г. были проведены двусторонние переговоры на высшем уровне в г. Салвадор, продемонстрировавшие возникновение переговорной «связки» Ангела Меркель — Дилма Руссефф. Важнейшим результатом встречи стало согласование запуска механизма

межправительственных консультаций [26]. Первые двусторонние переговоры в составе полных кабинетов были организованы в Бразилиа уже 19-20 августа 2015 г. и прошли в исключительно торжественной обстановке. Стороны декларировали растущий взаимный интерес к углублению сотрудничества, планируя выйти на двухгодичную периодичность работы механизма межправительственных консультаций [27].

Время для обеих встреч (середина июня 2014 г. и августа 2015 г.) было выбрано отнюдь не случайно. На фоне украинских событий марта-апреля 2014 г. в отношениях Евроатлантического сообщества и РФ началась новая холодная война. Необходимость участия ФРГ в выстраивании системы «сдерживания» России, особенно с точки зрения предоставления войск в состав группировок НАТО в Европе, существенно сократила ресурсы, которые Германия могла использовать для обеспечения своего политико-военного присутствия за пределами «коллективного Запада». Симптомы этого проявились уже к лету 2014 г., став заметными в полной мере год спустя. В сложившейся ситуации руководство Германии стало искать способы компенсации трудностей, вставших на пути сохранения и тем более укрепления своих позиций как «восходящей» державы. Одной из составляющих этого поиска и стал ускоренный запуск механизма межправительственных консультаций, закреплявший переход к стратегическому партнерству и способный принести большие дивиденды ФРГ. Однако в условиях 2015 г. эти дивиденды оказались скорее имиджевыми, нежели практическими. В отличие от экономической сферы, в политико-военной области существовало намного меньше направлений для активных контактов. По сути это — лишь продолжение ограниченных консультаций в рамках G-4, а также военно-техническое сотрудничество [26; 27].

Описанная выше особенность диалога делала его развитие уязвимым в случае глубоких внутривнутриполитических изменений даже в одной из стран-участниц. Временное отстранение (апрель 2016 г.) президента Д.Руссефф от власти и ее последующий импичмент (август 2016 г.) «торпедировали» «переговорную связку» между этим политиком и А. Меркель. Приступивший к исполнению полномочий главы государства Мишел Темер (2016—2019 гг.), в отличие от отстраненной Д.Руссефф, не продемонстрировал готовности к поддержанию диалога с ФРГ на уровне середины 2010-х годов. Так, во время саммита G-20 в Гамбурге отдельной двусторонней встречи на высшем уровне проведено не было.

Надежды германского истеблишмента на изменение данной ситуации после новых президентских выборов в Бразилии не оправдались [28]. Жаир Болсонару (2019 — н/в), получивший прозвище «тропический Трамп», сфокусировался на выстраивании особых отношений с США (в том числе персонально с 45-м президентом Соединенных Штатов) [29], уделяя, по сравнению с предшественниками, существенно меньшее внимание другим направлениям двустороннего сотрудничества, в том числе с ФРГ. Показательно, что во второй половине 2010-х годов не состоялось ни одного визита А. Меркель в Бразилию, не были проведены (должны были стать вторыми по счету) межправительственные консультации, то есть стороны де-факто нарушили свои планы (2015 г.) [27].

19 марта 2019 г. состоялись переговоры между Д. Трампом (2017—2021 гг.) и Ж. Болсонару, в ходе которых стороны договорились о существенном углублении общеполитического и военного сотрудничества [30], а президент США «пробросил» вопрос о возможном вступлении Бразилии в Североатлантический альянс. Какова в этой связи была позиция Германии, и чем она была обусловлена?

На первый взгляд расширение НАТО на Бразилию могло отвечать интересам ФРГ, особенно, учитывая отмеченный первый императив ее внешней политики, и де-юре открывает возможность для перехода к союзническим отношениям. Реакции официального Берлина, однако, не последовало. Формально это было обусловлено тем, что Д.Трамп сделал свое предложение в частном порядке, т.е. предварительно не согласовав его с государствами — партнерами по НАТО. Подобная практика — декларирование Соединенными Штатами в одиночку заявлений и принятие решений, затрагивающих интересы широкого круга государств — членов Североатлантического альянса, — стала «визитной карточкой» политической тактики трампизма. Стремясь подчеркнуть свое доминирование в НАТО и в рамках «коллективного Запада» в целом, Д.Трамп подвергал жесткой критике и рестриктивным мерам акторов Евроатлантического сообщества, способных играть роль параллельных и отчасти альтернативных США центров влияния, прежде всего ЕС и ФРГ. Соответственно, с точки зрения Д.Трампа одной из ключевых задач, решаемых в случае введения Бразилии в число стран — участниц НАТО, являлось ослабление позиций Германии в альянсе. Очевидно, что официальный Берлин не был готов поддержать подобное расширение блока (равно как и раскритиковать его официально, ибо это нанесло бы мощный имиджевый урон и без того непростым в этот период германо-бразильским отношениям) еще и потому, что это автоматически накладывало бы на ФРГ обязательства по решению проблем безопасности и обороны нового союзника. Была ли готова германская сторона развернуть по запросу Бразилии ротационное присутствие бундесвера на границе с Колумбией, а также Венесуэлой, причем во втором случае — с риском втягивания в широкомасштабные наступательные боевые действия против этой страны? Учитывая позицию ФРГ в обоих случаях, следует, безусловно, дать отрицательный ответ. Приняв на себя подобные весьма нелегкие обязательства, ФРГ почти ничего бы не приобрела. Более того, вступление в НАТО Бразилии с очень высокой долей вероятности сопровождалось бы дальнейшим сближением с США (включая сферу военно-технического сотрудничества) и одновременным фактическим ослаблением связей с Германией, в том числе из-за ее крайне низкой готовности (и способности) активно применять свой военно-политический инструментарий в Южной Америке.

Таким образом, вариант развития двусторонних привилегированных отношений с Бразилией (как «восходящей» державы вне «коллективного Запада») оказывался для официального Берлина выгоднее, чем вхождение Бразилии в Евроатлантическое сообщество. При этом переговоры Д.Трампа и Ж.Болсонару 19 марта 2019 г. отчетливо показали, что ФРГ «теряет» бразильского партнера, тем самым проигрывая трампизму на этом направлении. Спад в развитии отношений с высокой долей вероятности может продлиться до окончания президентства Ж.Болсонару. Необходимо подчеркнуть, что наблюдаемая деградация диалога обусловлена не только личностью действующего главы бразильского государства, но и отсутствием большой «подушки безопасности» в виде значительных объемов практического сотрудничества. Так, свою готовность подключиться к урегулированию вооруженного конфликта в Колумбии ФРГ выразила лишь в период его выхода на завершающую стадию (с 2019 г.) [31].

«Раздражителем» при выстраивании отношений с официальной Бразилией становится линия Берлина по решению «венесуэльской проблемы». Власти ФРГ декларировали поддержку «умеренной» оппозиции, возглавляемой Хуаном Гуайдо. Так, в июле 2017 г. тогдашний глава МИД ФРГ Зигмар Габриель подчеркнул, что «парламент — это сердце демокра-

тии» [28], обозначив неприятие использования силы оппозиционным председателем Национальной ассамблеи Венесуэлы [32]. Официальный Берлин признал Х.Гуайдо временным президентом Венесуэлы (что привело к объявлению посла ФРГ в этой стране персоной *non grata*), однако сделал это лишь в марте 2019 г. Вслед за этим представители правительства Германии приняли эmissара Х.Гуайдо Отто Гебуаэр. Однако он был признан лишь в качестве «представителя временного президента Венесуэлы», то есть ему было отказано в аккредитации в статусе посла [33]. ФРГ совершенно не была готова поддержать в политическом, а тем более в военном отношении наступательную (интервенционистскую по своей сути) кампанию против Венесуэлы, возможность осуществления которой прорабатывалась на встрече Д.Трампа и Ж.Болсонару 19 марта 2019 г. [30].

Урон, нанесенный Германии из-за спада отношений с Бразилией в политико-военной области, оказался весьма чувствителен для внешнеполитической активности ФРГ. Стремясь компенсировать сокращение контактов с единственным стратегическим партнером в Латинской Америке, официальный Берлин в конце 2010-х годов решил «перезапустить» отношения с Аргентиной, однако эта попытка оказалась безуспешной [34]. Непосредственно накануне «заморозки» практически всех политических процессов в мире, вызванных пандемией *COVID-19*, 6-7 февраля 2020 г. канцлер ФРГ совершила визит в ЮАР [35], демонстрируя тем самым заинтересованность в углублении прямых двусторонних связей с «вершинами» пятиугольника *BRICS*, особенно расположенными за пределами Евразии. Рассмотренные политико-дипломатические шаги ФРГ (как в направлении Аргентины, так и ЮАР) автор склонен истолковывать, в том числе, как «сигналы», адресованные истеблишменту Бразилии в плане стимуляции его интереса к активизации диалога с Германией. В данной связи показательно и назначение в июле 2020 г. нового посла Хайко Томса в Бразилию [10]. Сам факт осуществления подобной меры в разгар пандемии свидетельствует об особой важности скорейшей активизации отношений с этой латиноамериканской страной. Интересен и послужной список Х.Томса: в «эру» Меркель он работал на высоких постах в центральном аппарате МИД ФРГ, а в середине — второй половине 2010-х годов последовательно возглавлял германские представительства при ООН (в Нью-Йорке) и НАТО [10]. Соответственно, этот дипломат отлично ориентируется и в трансатлантических, и в межамериканских отношениях. Находясь в Бразилии, он способен предложить своему правительству адекватные меры как по реагированию на «шоковые» факторы, связанные как с самой Бразилией (предложение Д.Трампа о вхождении ее в состав НАТО), так и по заметному улучшению отношений с данной страной в целом.

Существуют ли возможности для хотя бы небольшого подъема германо-бразильских отношений еще в период президентства Ж.Болсонару? Таковых автор видит три. Первая — это заинтересованность в координации усилий и обмене опытом в борьбе с нетрадиционными (невоенными) угрозами в условиях пандемии *COVID-19*. Вторая — совместное или как минимум согласованное участие в реформировании сектора безопасности правительственных сил в Колумбии. Так, бундесвер мог бы оказать здесь не только финансовую [31], но и техническую помощь, направив группу инструкторов, имеющих опыт подготовки вновь создаваемых кадров войск, полиции и жандармерии в странах, стремящихся вступить на путь постконфликтного развития (в частности, Мали). Наконец, третья возможность — рост объемов экспорта германской военной продукции в Бразилию. На основе данных таблицы можно рассчитать, что, если в 2008—2014 гг. (т.е. на временном отрезке от момента провоз-

глашения стратегического партнерства до запуска межправительственных консультаций) средний ежегодный объем закупок Бразилией ВиВТ немецкого производства составлял 44,0 млн евро, то во второй половине 2010-х годов — уже 56,8 млн (+29%). Примечательно, что в трехлетие периода «пост-Руссефф» Бразилия стабильно входила в топ-20 государств — импортеров германского оружия, причем оно закупалось в интересах не только ВМС, но и армии и даже ВВС (см. таблицу).

Германо-бразильские отношения в политико-военной области развивались зигзагообразно с повышенной амплитудой колебаний. Фазы резкого подъема пришлись на 1999—2005 и 2014—2015 гг., причем если в первом случае ФРГ стремилась к углублению диалога в период усиления своих позиций в мире, то во втором — в условиях ослабления. Столь сильные колебания были обусловлены противоречивостью двух знаменателей двусторонних отношений. С одной стороны, это — взаимная заинтересованность, причем в случае официального Берлина она была вполне сопоставима с интересами Бразилии. Ключевой момент заключается в том, что к началу 2020-х годов Бразилия была единственным партнером ФРГ, способным обеспечить стратегическое присутствие последней в Латинской Америке. Другой причиной является тот факт, что направления и объемы двустороннего сотрудничества, нехватка которых обуславливала его недостаточную устойчивость, не соответствовали планам сторон (особенно Германии). Стремление ФРГ преодолеть данное противоречие совершенно очевидно. Это выразится в попытках качественной перестройки (с целью резкого наращивания объемов) сотрудничества в области безопасности и обороны в контексте общей активизации использования Германией своего политического и военного инструментария в Южной Америке.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Прусов Е.В. Бразилия как вектор внешней культурной политики Германии. *Латинская Америка*. Москва, 2013, № 2. сс. 59-72. [Prusov E.V. Brazilia как вектор vneshney kulturnoiy politiki Germanii [Brazil as the vector of German foreign cultural policy]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2013, N 3, pp. 59-72.
2. Vizentini P. G.F. A Projeção Internacional do Brasil: 1930-2012. Brazilia, Elsevier Editora Ltda, 2013, 176 p.
3. Damasceno M. Especialistas alemães veem con ceticismo cooperação militar Brasil-França. 06.09.2009. Available at: <https://www.dw.com/pt-br-especialistas-alemães-veem-con-ceticismo-cooperação-militar-brasil-frança/a-4637843> (accessed 05.11.2020).
4. Knapp M. Schwerpunkte der deutschen Außenpolitik im Verhältnis zu den Vereinten Nationen seit 1990. *Handbuch zur deutschen Außenpolitik* / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden, GWV Fachverlage GmbH, 2007, ss.734-745.
5. Botschaftskonferenz Lateinamerika 1993: Thesen zur Lateinamerikapolitik vom 10.10.1993. *Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990-1993*. Bonn, 1993, ss.344-347.
6. Antwort der Bundesregierung auf die kleine Anfrage der Abgeordneten K.-J. Hedrich, Dr. F. Pflüger, Dr. C. Ruck, weiterer Abgeordneter und der Fraktion der CDU/CSU – Drucksache 15/3028 – Bilanz deutscher Lateinamerika-Politik seit 1998. Deutscher Bundestag, 15 Wahlperiode. Drucksache 15/3255, 28.05.2004, 48 s.
7. Kooperation zwischen Europa und Lateinamerika – Rede der Bundeskanzler Gerhard Schröder zur Eröffnung des EU-Lateinamerikagipfels in Rio de Janeiro. 30.07.1999. Available at: https://web.archive.org/web/20170609185153/https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/1990-1999/1999/46-99_Schröder.html (accessed 05.11.2020).
8. Lateinamerika-Reise des Bundeskanzlers vom 10. bis 16. Februar 2002 – Rede von Bundeskanzler Gerhard Schröder auf dem Empfang der Deutsch-Brasilianischen Handelskammer am 13. Februar 2002 in Sao Paulo. 16.12.2002. Available at: <https://web.archive.org/web/>

20170609191141/https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2001_2007/2002/09-3_Schröder.html (accessed 06.11.2020).

9. The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin, 2009, 120 p.

10. Deutsche Vertretungen in Brasilien. Available at: <https://brasil.diplo.de/> (accessed 05.11.2020).

11. Deutschland und Brasilien: Bilaterale Beziehungen. 01.10.2020. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/brasilien-node/bilateral/201112> (accessed 06.11.2020).

12. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2006. Berlin, 2007. 147 s.

13. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2007. Berlin, 2008. 131 s.

14. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2008. Berlin, 2009. 131 s.

15. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2009. Berlin, 2010. 140 s.

16. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2010. Berlin, 2011. 139 s.

17. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2011. Berlin, 2012. 116 s.

18. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2012. Berlin, 2013. 120 s.

19. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2013. Berlin, 2014. 124 s.

20. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2014. Berlin, 2015. 128 s.

21. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015. Berlin, 2016. 132 s.

22. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2016. Berlin, 2017. 120 s.

23. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017. Berlin, 2018. 116 s.

24. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018. Berlin, 2019. 112 s.

25. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019. Berlin, 2020. 128 s.

26. Pressestatement von Bundeskanzlerin Merkel am 20. August 2015 in Brasilia. Donnerstag, 20. August 2015. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatement-von-bundestkanzlerin-merkel-am-20-august-2015-846434> (accessed 12.11.2020).

27. Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und der brasilianischen Präsidentin Rousseff anlässlich der 1. Deutsch-Brasilianischen Regierungskonsultationen am 20. August 2015 in Brasilia. Donnerstag, 20. August 2015. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundestkanzlerin-merkel-und-der-brasilianischen-praesidentin-rousseff-anlaesslich-der-1-deutsch-brasilianischen-regierungskonsultationen-am-20-august-2015-846404> (accessed 10.11.2020).

28. Bundeskanzlerin Merkel gratuliert dem gewählten Präsidenten der Föderativen Republik Brasilien, Herrn Jair Messias Bolsonaro. Donnerstag, 1. November 2018. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundestkanzlerin-merkel-gratuliert-dem-gewahl-ten-praesidenten-der-foederativen-republik-brasilien-herrn-jair-messias-bolsonaro-1544688> (accessed 5.11.2020).

29. Яковлев П.П. Латиноамериканская политика Д.Трампа. *Феномен Трампа. Коллективная монография*. Отв. ред. Кузнецов А.В. Москва, ИНИОН РАН, 2020. сс. 609-624. [Yakovlev P.P. Latinoamerikanskaya politika D. Trampa [Donald Trump's policy towards Latin America]. *Phenomen Trampa. Kollektivnaya monografiya* [Trump Phenomenon]. Moscow, INION RAS, 2020, pp. 609-624.

30. Joint Statement from President Jair Bolsonaro and President Donald J. Trump – March 19, 2019. Available at: <https://www.itamaraty.gov.br/en/press/-releases/20187-joint-statement-from-president-donald-j-trump-and-president-jair-bolsonaro-march-19-2019> (accessed 15.11.2020).

31. Auswärtiges Amt anlässlich des Aufrufs zur Wiederaufnahme des bewaffneten Kampfs durch ehemaligen FARC Anführer. 05.09.2019. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/wiederaufnahme-kampf-farc/2244546> (accessed 17.11.2020).
32. Außenminister Gabriel zum Angriff auf die venezolanische Nationalversammlung. 06.07.2017. Available at: https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Pres-se/Meldungen/2017/170706_BM_Venezuela_Angriff_Nationalversammlung.html (accessed 17.11.2020).
33. Bundesregierung erkennt Guaidó-Gesandten nicht als Botschafter an. 27.03.2019. Available at: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2019-03/bundesregierung-juan-guaido-diplomat-venezuela-botschafter> (accessed 19.11.2020).
34. Bundeskanzlerin Merkel gratuliert dem gewählten Präsidenten der Argentinischen Republik, Alberto Fernández. Freitag, 1. November 2019. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-gratuliert-dem-gewaelhten-praesidenten-der-argentinischen-republik-alberto-fernandez-1687762> (accessed 20.11.2020).
35. Reise der Kanzlerin nach Südafrika und Angola. Wollen "guter Partner an der Seite Südafrikas sein". Freitag, 7. Februar 2020. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/merkel-afrika-reise-1719008> (accessed 21.11.2020).

Philipp O. Trunov (ltrunov@mail.ru)

Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, the Department of Europe and America, the Institution for Scientific Information on Social Sciences RAS

Nachimovskiy prospect, 51/21, Moscow, Russian Federation

Brazilian direction of German foreign policy on the world stage: political-military aspects

Abstract. The «unfreezing» of world political processes that follows after the end of COVID-19 pandemics will be accompanied by the growing number of security challenges. It means the necessity to find effective solutions which are based first on the coordination between the most powerful international actors. We cannot access the potential of this bi- and multilateral cooperation without the exploration of its experience at the «long step» (1990-s – 2010-s). The article explores the features and «narrow places» of the dialogue between Germany and Brazil in political-military sphere first of all from German positions. The author studies the first attempts to achieve new quality of dialogue in 1990-s and the difficulties on this way. The scientific paper covers German tactics aimed at accelerated rise of bilateral relations during Schröder's chancellorship. In this regard special attention is paid to the cooperation between Germany and Brazil in the question of the UN Security Council reform. The article demonstrates the dynamics of German-Brazil relations during Merkel's chancellorship. The declaration of strategic partnership (2008) and the launch of the intergovernmental consultations format (2015) were not backed up by the sufficient volumes of bilateral practical cooperation. The scientific paper issues the reasons of the degradation of the relations during Bolsonaro's presidency. In this regard the author shows German practical attempts to relaunch the dialogue by the beginning of 2020-s.

Key words: German political strategy, Brazil, interstate relations, Merkel, Bolsonaro.

DOI: 10.31857/S0044748X0013677-3

Received 05.10.2020.